

Ваши деды сидели, а мои охраняли.

Александр Попов. Взрыв

«Взрыв» опубликован в журнале «Наш современник» — при пятитысячном тираже журнала читатель легко найдет эту повесть (в декабрьском номере за 2016 год) и поразмыслит о том, кто в зоне сидит и кто охраняет.

Сложнее читателю добраться до другой повести Александра Попова, тысяча экземпляров которой напечатана в Чехове «Ельцин-центром». Меж тем осколки летят именно оттуда. Из «Одиннадцатой заповеди», как она названа.

Название сразу хочется откомментировать.

С тех пор, как за полторы тысячи лет до Рождества Христова Всевышний предъявил Моисею на горе Синай десять заповедей, чтобы семитские племена превратились в народ, — досужие умы, не переставая, избредают одиннадцатую. Из известных мне самая тупая: «Живи в свое удовольствие!», самая остроумная — «Не попадайся!».

Вариант Попова: природой и судьбой заповедано человеку прямохождение.

Что мешает ему сохранять эту достойную осанку?

Об этом — повесть.

Интонационный ход: на фоне влюбленно написанных среднерусских пейзажей (сказывается детство Попова в слободской владимирской Руси) взаимоотношения соседей (и родственников!) не просто полны раздражения, но доходят до такой ненависти, выход которой — в смертоубийстве.

Откуда наше тотальное озлобление?

Из тьмы времен прилетает то одно, то другое. Лагерный срок деда — и донос, после которого его

упекли... Предательство совработника, пошедшего служить старостой к гитлеровцам... (Да поди ж ты разберись в этом, когда зэки и охранники, знающие друг друга десятилетиями, нет-нет да и меняются ролями... А при смене оккупационных режимов надо же полицаям как-то детей кормить... так они и кормят...)

И режимы их терпят?!

Терпят. И потому, что «сила бардака непоколебима» — разбираться некогда. И потому, что любому строю («бардаку») нужны лакеи (безотказные исполнители). Их-то и перенимают из строя в строй.

Дело, стало быть, не в том, какие лозунги выкрикивают идеологи (от их крика ни один режим не избавлен), дело — в природе человека.

Злобная агрессия — в его природе.

Но и способность к солидарности, к любви, к состраданию — в природе же. В натуре человека.

«Природа, кровь сильнее любой команды головы».

Голова командует — разумные вещи. А натура?

«Натура не желает подчиняться разуму».

Этим утверждением (с которым я согласен) можно бы и завершить картину. Но у Александра Попова работает еще один эмоциональный нюанс, без которого его музыка неполна, элементарна, односложна. Хотя и реальна.

Есть в его музыке еще «что-то»...

Буквально. Если существительное, то — «что-то».

Если прилагательное, то — «какое-то»...

«Какая-то агрессивная нарочитость была в его поведении...»

Это — чтобы не думать, будто ГУЛАГ и полицейская сволочь все объяснят. Главного — не объясняют: того, ЧТО стоит неназываемо за всеми этими достопамятными мерзостями.

«Что-то царапает...», «Какая-то общая безысходность...», «Какая-то мистика...»

Поначалу эта «ТО-истика» показалась мне редакторским недосмотром, но, вчитавшись в ее ритм, я понял, зачем она нужна. Не столько затем, чтобы растолковать истоки невыносимости во взаимоотношениях людей, — но чтобы и счастливое отнести куда-то в неистребимую неведомость...

«Что-то крайне важное... Какое-то неожиданно-яркое, сильное обобщение... Нечто такое, что не поддается объяснению...»

Не плохое, не хорошее. А стоящее в другом ряду, чем привычные вещи. Что-то в базисе бытия. В его неизреченном Смысле... Неисчерпаемое. Неискоренимое.

Понять нельзя. Но — чувствовать!

Что-то есть, как сказал некогда Лев Толстой...

Это ощущение настолько запредельно, что необязательно относить его к конкретным проблемам.

Хотя Александр Попов все-таки соотносит. Не только с арестом деда и доносом какого-то полицейского-приспособленца. С более весомыми вещами соотносит. Взаимное отчуждение отца и сына в конце концов преодолевается: сын впервые показывает отцу свои тексты.

А там — проклятья Верховному Главнокомандующему Иосифу Сталину!

Отец в ужасе: за такое ведь упекут! Выхватывает тетрадку, хочет порвать... А после, чего-то устыдившись, возвращает сыну...

Интересно. Действие у Попова происходит в начале 80-х годов, так что за антисталинские рассуждения все еще могут упечь?! Запросто! А в 2015-м все это спокойно издается и читается... Дело, конечно, и в этом: в той скорости, с которой меняются в обществе общепринятые истины. Но решает даже не это кувыркание идеологием, а что-то, стоящее за всем этим. Что-то ведь стоит!

Попытки войти в существо таких завещанных нам «проклятых» вопросов предприняты Поповым в повести «Взрыв».

Например. Каков нравственный баланс национальных участников, втянутых в сверхнациональные драмы?

Вот выбор власовцев: пошли воевать против сталинизма, а обнаружили, что воюют — против России. Ясного выхода из ловушки нет. Неясный обозначен кровью. То же — и полякам, и украинцам...

Еще один обнажившийся теперь безысход: народы хотят разного. Не политики — народы! Обвал миграций! «Одни народы — за Маммону рынка, дру-

гие — против». Не потому, что тех и этих кто-то стравил, а по несходящимся многовековым природным чаяниям. С выходом в межрелигиозные пропасти.

Очередная неразрешимость: избалованный «белый миллиард» должен оправдаться перед миллиардами цветными!

И — самый трагичный из вопросов, встающих сейчас перед Россией: что нам делать с нашим наследием? Выбирать — между давящим советским режимом и вырвавшимся из-под давления рыночным беспределом? Народ — на той или на этой стороне?

Может, на той, а может, на этой... Что-то заставляет народ шататься в ту или в эту сторону.

А ну как не равновесное «что-то» кроется в нашем переломном времени, а... взрыв? Он что, неизбежен? — тихонько спрашиваю я автора «Взрыва».

Ответ:

— Взрыв неизбежен...

И он уже полыхает в финальных сценах повести.

Куда повернется судьба русских в этой всемирной крутне?

Три черты видит автор «Взрыва» в русском характере: «бескорыстие, бесстрашие и безмерность».

Без-без-без... просто стихи анафорические. И тяга неременная — за край!

Что будет с нами при таком психологическом настрое?

Что-то будет?

Вдохновляемый историческими прецедентами, автор «Взрыва» предрекает нам великое будущее: пытается выстроить его по прошлым меркам: «Чтобы удержать русский народ в равновесии (то есть без окончательного падения «за край». — Л. А.), нужна сверхзадача».

То есть?

«России, чтобы выжить в современных условиях, необходимо провозгласить себя международным центром традиций, планетарной хранилищем всего светлого и божественного, что служит духовному и физическому процветанию рода человеческого на Земле».

Услышав это, собеседник Попова «выпучил глаза». А я подумал: если новая сверхзадача сшита по выкройкам вековой давности, то я этого не хочу. Не хочу повторения того, что было с дедом и за что заплачено кровью. По старости лет я давно отошел от таких вселенских сверхзадач. Хотя именно на них когда-то вырос. Я теперь думаю: как бы избежать очередных взрывов? А если их не избежать — что будет с моей Россией? Что от нее останется?

Или это уже рок нашего бытия: восстанавливать страну, собирая осколки?